

ВЛИЯНИЕ ХРИСТИАНИЗАЦИИ НА ХОЗЯЙСТВЕННО-БЫТОВОЙ УКЛАД БУРЯТ В XIX в.

© **Татьяна Ефремовна Санжиева**
доктор исторических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Статья посвящена влиянию Русской православной церкви (РПЦ) на изменение хозяйственной структуры бурят, переходу от скотоводства к земледелию и, соответственно, от кочевого образа жизни к оседлому, к русскому хозяйственно-бытовому укладу. Для этого РПЦ и государство приложили немало организационных и финансовых усилий: церковь — миссионерской деятельностью, привлечением к ней бурят, государство — экономическими льготами. В статье показано, что земледелие у бурят практиковалось с древних времен, но стабильным и хорошо развитым оно стало в XIX в.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Прибайкалье; буряты; скотоводство; крещение; земледелие; трансформация хозяйства; Верхнеудинск; Забайкалье; Ц. Жамцарано.

THE INFLUENCE OF CHRISTIANIZATION ON THE HOUSEHOLD LIFE OF BURYATS IN THE 19th CENTURY

Tatyana E. Sanzhieva
Dr. Sci. (History), Prof.
Buryat State University named after Dorzhi Banzarov

The article is devoted to the influence of the Russian Orthodox Church (RPC) on changing the economic structure of the Buryats, the transition from cattle breeding to agriculture and accordingly, from a nomadic lifestyle to a settled one, to the Russian household mode of life. For this, the Russian Orthodox Church and the state have made a lot of organizational and financial efforts: the church — by means of missionary activity, by attracting the Buryats to it, the state — by economic benefits. The article shows that the Buryats practiced agriculture from ancient times, but it became stable and well developed in the 19th century.

Keywords: Russian Orthodox Church; Pribaikalye; Buryats; cattle breeding; baptism; agriculture; transformation of economy; Verkhneudinsk; Transbaikalia; Ts. Zhamtsarano.

Религия играет важную роль в жизни человека, определяет его жизнь и влияет на его хозяйственно-бытовой уклад. Отношение к земле у земледельцев и кочевников разное, что связано с природными, почвенными и ландшафтными различиями. Небольшой гумусный слой степи не позволял ее копать, рыхлить, поэтому скотоводы весьма осторожно относились к почвенному покрову. Земледелие могло развиваться там, где в местах расселения бурят был глубокий гумусный слой и пригодная для земледелия почва. Огородным земледелием буряты занимались и до распространения русской земледельческой культуры. Однако на том этапе развития у населения Прибайкалья была примитивная техника (мотыги), сеяли они просо, курлыч (тюркское название гречихи) и ячмень. Вследствие этого земледелие по производительности и извлечению жизненно необходимых продуктов было даже ниже собирательства. Продукты земледелия являлись лишь дополнительным ресурсом в скотоводческом хозяйстве. Поэтому в XVII в., т.е. к

приходу русских, примитивное земледелие постепенно вытеснялось более эффективным скотоводством [1, с. 38–39], которое в связи с освоением края русскими крестьянами постепенно сокращается, особенно у предбайкальских бурят, поскольку на их территории осело большинство русских переселенцев: к началу XVIII в. в Иркутском уезде было 544 населенных пункта, Верхнеудинском — 252 [2, с.73]. В течение XVIII в. бурятское хозяйство в Предбайкалье стало комплексным: одновременно имело значительное количество скота и пашню. И. Георги писал о предбайкальских бурятах: «По причине разных препятствий в скотоводстве от суровости климата и месторасположений, совокупили оное с земледелием» [1, с. 45]. Во второй половине XVIII в. земледелие начинает распространяться и среди забайкальских бурят.

В середине XIX в. у предбайкальских бурят было достаточно много скота — 267 599 голов, из них 36,4% составлял крупный рогатый скот. У забайкальских бурят, оставшихся в большинстве скотоводами, было 398 767 голов скота, из них крупного рогатого — 21,6% [Подсчитано по: 2, с. 73]. Рост количества крупного рогатого скота свидетельствует также об уровне оседлости.

Все, кто занимался земледелием, отмечают источники, были крещеными. Православная религиозная культура не позволяла обрабатывать землю некрещеным, поэтому буряты выбирали православие. Если в XVII в. происходило насильственное крещение, то в XVIII в. церковь привлекала уже экономическими льготами: принявший крещение бурят освобождался от уплаты ясака на три года. В XIX в. складывается совершенно иная обстановка: буряты, прежде всего предбайкальские, начинают вступать в лоно русской православной церкви добровольно и одновременно наблюдается неуклонный рост земледелия у бурят. Доказательством того, что христианизация повлияла на развитие земледелия среди бурят, может служить один пример: из-за невозможности заниматься земледелием среди ольхонских бурят, по сравнению с другими ведомствами, христианизация шла медленно.

Государство приобщало титульное население Сибири к земледелию разными методами. По указу правительства от 9 октября 1803 г. на Петровском заводе изготовлено 765 сошников и 1250 серпов для бесплатной раздачи бурятам [1, с. 45]. Этим было положено начало хлебопашества. Местная власть также издавала указы для расширения земледелия среди титульных народов. В начале XIX в. губернатор Трескин издал инструкции о развитии земледелия. В делопроизводстве о своде степных законов, производившемся в 1825 г., например, упоминается, что «буряты с 1807 г. по приглашению губернского правительства начали вводить земледелие» [3, с. 24]. Большую роль в этом процессе сыграли миссионерские станы. В Забайкалье первый миссионерский стан был открыт в 1862 г. при Посольском Спасо-Преображенском монастыре для инородческих детей, которых готовили к миссионерской деятельности. Второй миссионерский стан был открыт в 1863 г. в Селенгинском Троицком монастыре [4].

Миссионерский стан должен был стать «не только центром пропаганды и распространения православия в определенной местности, но и местом, где инородческое население получало бы первую медицинскую помощь, приобщалось к азам просвещения и образования, знакомилось с русской культурой и бытом, с основами земледелия» [5, с. 290]. Большую помощь в крещении сыграли буряты, ставшие миссионерами. В 1827 г. в Тунку приехал миссионер Николай Батаров, бурят из Алари. Другим известным миссионером стал Доржо Тарбаев, происхо-

дивший из хори-бурят. Бурят из Аннинского улуса Хоринской степной думы Дугар Зориктуев также стал православным миссионером. Учился он в Аннинском приходском училище у учителя Цэцэна Сакияева в 1890–1895 гг. Окончив курс учения, служил дьячком Курбинского миссионерского стана, крестился и стал Иваном Стуковым. Был крестником известного миссионера Константина Стукова [6].

Влияние крещения бурят на их хозяйственную структуру дает статистика роста численности крещеных и запашки. Хотя в конце XVIII — начале XIX в. им разрешили заниматься земледелием и без крещения (для расширения продовольственной базы), число некрещеных земледельцев было небольшим. Здесь присутствуют более тонкие нюансы: все-таки буряты были религиозным народом, и свое взаимодействие с землей не могли не связывать с разрешительными условиями религиозной практики.

По отчету Православного миссионерского общества за 1861–1895 гг., было крещено 47 096 бурят, из них в Забайкальской епархии 8 131 чел., Иркутской — 38 965 чел. [7, с. 148]. В Предбайкалье самый высокий рост числа крещеных дало Идинское ведомство. По данным 1841 г. Идинское ведомство выходит на первое место, здесь посев приближается к двухдесятичной норме. Увеличивается запашка также у аларцев, балаганцев и тункинцев, остается стабильной у кудинцев и резко сокращается у верхоленцев, за 10 лет до того первенствовавших.

В Забайкалье наибольшее распространение христианство получило в Кударинском ведомстве, Верхнеудинском, Чикойском и Нерчинском уездах, а также в отдельных группах баргузинских, хоринских и селенгинских бурят. Наблюдался непрекращающийся прирост у хоринцев, на душу приходится по 174 десятины, у селенгинцев размер пашни сохранялся на уровне 1825 г. [2].

Оседлый образ жизни привел к появлению стационарных жилищ — деревянных домов и постоянных построек. Но юрта все еще оставалась в быту вчерашних кочевников, деревянная юрта стояла в качестве летника у всех предбайкальских бурят.

Находясь среди кудинских бурят в 1903 г. по заданию Императорской академии наук, Ц. Жамцарано сделал следующую запись: «Крещенные живут, говорили мои собеседники, — лучше некрещеных»... Почему — не объясняют» [8, с. 41]. Эти слова скорее относятся к бракосочетанию бурят, поскольку не все могли выплатить калым за невесту. В первой половине XIX в. пашни у бурят находились в захватном владении. Общинное владение пашнями не имело место и во второй половине XIX в. Пахотные угодья в бурятских улусах продолжали оставаться в подворно-наследственном владении, основанном на захватном праве [9, с. 135]. Крещеным выделялось по 15 дес. на душу мужского пола. Поэтому те, кто не смог занять земли по трудовому праву, могли рассчитывать на помощь церкви.

Несмотря на то, что земледелие у бурят имеет давние традиции, по настоящему они перешли к нему, когда в первой половине XIX в. завершился процесс окрестьянивания оседлых бурят. В официальном документе 1840 г. лаконично отмечается: «Инородцы оседлые от крестьян ничем не отличаются». О переходе оседлых бурят к русскому образу жизни говорится и в губернаторском отчете 1851 г., где, между прочим, указано, что «из этого разряда инородцев многие довольно зажиточны». О том, что подавляющее большинство было «довольно бедным», автор отчета предпочел умолчать [2, с. 41]. Постепенно прежде скотоводческие поселения, главным образом у предбайкальских бурят,

стали превращаться в стационарные земледельческие улусы. Как у русских, у них начинают появляться поселения малых форм — заимки.

Поскольку перейти от одной религии к другой достаточно сложно, происходило соединение религий. Христианизация бурят привела к изменению календаря праздников, они стали приурочиваться к православным. Не утрачивая своей традиционной религиозной культуры, буряты-шаманисты православные праздники проводили в рамках шаманских обрядов. Во многих ведомствах тайлганы проводились в июне — к Петрову дню, в июле — к Ильину дню, осенью — к Покрову [7, с. 191]. Так, в улусе Заглик Боханского аймака проводили Покров-тайлган, посвященный покровителю урожая. Из русских праздников отмечали пасху, рождество, масленицу. Пасха совпадала с праздником снятия грив и хвоста у табунных лошадей (адаһа дэлһэлхэ).

Следует отметить, что буряты поклонялись, главным образом, Николаю Чудотворцу и Иннокентию Кульчицкому, включенным в шаманский пантеон богов. Культ Николая был распространен в ведомствах, занимающихся земледелием: Идинском, Аларском, Кудинском, Тункинском и Кударинском [Там же].

Из-за высоких калымов некоторые буряты не могли жениться. «И вот, во избежание расхода и продолжительной (для бурят почти до старости) холостой жизни, бедняки любимых девиц увозят и венчаются по обряду православной церкви: конечно, они тут же крестятся. Таким образом, увеличивается с каждым годом число крещеных. С крещеных и обвенчанных калым не взыскивается» [8]. В учебные заведения принимали только крещенных, за исключением некоторых случаев. Поэтому русское образование получали в основном дети земледельцев.

Таким образом, в течение XIX в. произошла трансформация бурятского хозяйства с одновременным изменением образа жизни. Это было вызвано следующими причинами.

Во-первых, этот процесс был обусловлен политикой государства, когда Государственный совет в 1826 г. принял положение Сибирского комитета «О сложении ясака на три года с инородцев, вступивших в христианскую веру». Крещеным бурятам выдавались билеты о принятии крещения и предоставлении трехлетней налоговой льготы, освобождавшей от ясака и других государственных податей. Государство поощряло родоначальников, чьи родовичи принимали крещение и переходили к земледелию. Наиболее отличились и преуспели в распространении православия главные тайши Идинского, Аларского, Кударинского ведомств, где были наиболее урожайные земли. О влиянии родоначальников свидетельствует следующий факт: первым из тункинских нойонов принял крещение Бордой Прушенов. Вместе с ним крестилось около тысячи человек.

Во-вторых, изменение образа жизни связано с активностью церкви, строившей церкви в местах расселения бурят, открывшей миссионерские станы, обеспеченные всем необходимым для выполнения поставленных задач, а главное — приступившей к подготовке бурят к служению церкви. Русские священнослужители, прожив рядом с бурятами по 30–40 лет, не знали их языка.

В-третьих, трансформация бурятского хозяйства объясняется переходом к чисто русским методам хозяйствования занимавшихся земледелием. Возможно, это главная причина, носившая экономический характер, в местах, где земледелие становилось основным и единственным источником существования.

В-четвертых, если в XVIII в. принимавшие крещение буряты расселялись по русским деревням либо выделялись в особые оседлые поселения, то в XIX в. им

было разрешено оставаться в улусе. У крещеных бурят, становившихся оседлыми, менялась уплата податей, им выделялись пахотные земли по 15 дес. на душу мужского пола и сенокосные угодья из общих земель ведомства, фактически отрезанные от наделов некрещеных бурят. В течение двух лет они должны были обустроить хозяйство.

Интенсивность распространения православия среди титульного населения зависела от природных возможностей ведомства для занятий земледелием. Поэтому основная деятельность православной церкви была направлена на предбайкальских бурят. Вместе с земледелием и переходом к оседлому образу жизни буряты стали осваивать русский язык.

Хотя христианизация бурят имела в первую очередь экономические корни, она трансформировала не только хозяйственный уклад, но и ментальность, приобщила их к западному типу хозяйствования.

Литература

1. Бажеев Д. Г. К вопросу о развитии земледелия среди бурят // Записки НИИК. Вып. XV. Улан-Удэ, 1952. С. 33–52.
2. История Бурятии. В 3 т. Т. II. XVII — начало XX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 624 с.
3. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII — первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. 310 с.
4. Санжиева Т. Е. Крещение бурят по материалам фондов степных дум // Православие и дипломатия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ — Посольск, 29–30 января 2015 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2015. С. 77–84.
5. Шагжина З. А. Православные миссионерские станы Забайкалья и их штаты в XIX — начале XX в. // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы всероссийской науч.-практ. конф. (14–15 января 2010 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010. С. 290–296.
6. Санжиева Т. Е. Особенности распространения православия среди бурят в XIX в. / Известия Иркутского государственного университета. Сер. «Политология. Религиоведение». Иркутск, 2011. № 2 (7). С. 209–216.
7. Михайлова В. Т. Православная церковь и социум в Байкальской Сибири в пореформенный период (1861–1916 гг.). Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2003. 208 с.
8. Жамцарано Ц. Путевые дневники: 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
9. Асалханов И. А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 494 с.
10. Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 288 с.